

№ 233653

XX $\frac{18}{2}$

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

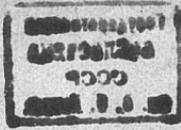
15-го сентѣбря. № 18-й. 1865 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 30 Апрѣля сего 1865 года за № 23813, о томъ, что одно Губернское Правленіе вошло въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ, коимъ испрашиваетъ разрѣшенія по возбужденному вопросу о томъ, на чей счетъ должны быть принимаемы прогонныя и матеріальныя деньги, употребляемыя землемѣрами губернскаго вѣдомства, при исполненіи дѣлъ по церковнымъ и монастырскимъ землямъ, а также и при отводѣ кладбищъ. Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ сіе представленіе, находитъ, что въ отношеніи возмѣщенія прогонныхъ и матеріальныхъ денегъ, употребляемыхъ землемѣрами при отводѣ кладбищъ, не можетъ быть сомнѣнія. Такъ какъ кладбища отводятся для городскихъ или сельскихъ обществъ, то означенные расходы, на основаніи 167 ст. св. меж. зак. (т. X, част. III.) и ст. 914 ус.

врач. (т. XIII. изд. 1857 г.) должны быть относимы на то общество, для коего отводится кладбище. Что же касается до возмѣщенія тѣхъ же издержекъ по землямъ церковнымъ и монастырскимъ, то здѣсь необходимо различать, во 1-хъ, свойство церковныхъ и монастырскихъ земель, до коихъ относятся дѣйствія землемѣровъ, и во 2 хъ, тѣ случаи, въ коихъ таковыя дѣйствія бывають необходимы. Земли, какъ церкви, такъ и монастырей, равно Архіерейскихъ домовъ, бывають двоякаго рода: одиѣ отводятся церквамъ отъ прихожанъ и монастырямъ или Архіерейскимъ домамъ отъ казны, въ пропорціи, межевыми законами опредѣленной; другія же могутъ принадлежать симъ духовнымъ учрежденіямъ по прежнимъ дачамъ, или новѣйшимъ укрѣпленіямъ. Къ монастырямъ, равно къ Архіерейскимъ домамъ, земельныя угодья назначаются отъ казны по распоряженію, чинами сего вѣдомства, а по тому въ межевыхъ дѣйствіяхъ землемѣровъ губернскаго вѣдомства, при отводѣ угодій къ монастырямъ и Архіерейскимъ домамъ, не встрѣчается надобности. Отводъ же земель къ церквамъ въ узаконенную пропорцію составляетъ обязанность прихожанъ церкви; а потому на нихъ же должны быть относимы и всѣ издержки, какія потребны при первоначальномъ отводѣ земли. Правильность сего заключенія явствуетъ изъ того, что узаконенная пропорція церковной земли должна бы быть отводима прихожанами при самомъ устройствѣ церкви и образованіи прихода, т. е. въ то время, когда церковь или еще не построена, или хотя и построена, но еще не имѣетъ ни церковныхъ суммъ, ни церковнаго причта и, когда по сему издержки по отводу земли не могутъ быть отнесены ни насчетъ самой церкви, ни насчетъ церковнаго причта. Если же отводъ или дополненіе узаконенной пропорціи иногда дѣлается уже къ существующей церкви, то сіе бываетъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, по неисполненію прихожанами обязанности своей по надѣленію церкви землею въ свое время. За симъ, такъ какъ церкви, Архіерейскіе дома и монастыри, отведеннымъ имъ отъ прихожанъ или отъ казны землями,

послѣ отвода и сдачи имъ таковыхъ установленнымъ порядкомъ, равно какъ и принадлежащими имъ по прежнимъ дачамъ и разнаго рода новѣйшимъ укрѣпленіямъ угодьями, пользуются, по содержанію 295, 311 и 312 ст. IX Т. Зак. о сост., на одинаковомъ основаніи съ владѣльческими дачами, то и въ отношеніи возмѣщенія издержекъ по межевымъ дѣйствіямъ землемѣровъ губернскаго вѣдомства должны подлежать общимъ правиламъ съ землями, составляющими частную владѣльцевъ или общественную городовъ и селеній собственность, по различію случаевъ, въ коихъ возникаетъ потребность въ межевыхъ дѣйствіяхъ. Случаи сіи бываютъ: а) при возобновленіи засорившихся границъ и повредившихся межевыхъ признаковъ, по желанію церковныхъ причтовъ или начальства Архіерейскихъ домовъ и монастырей; б) при судебномъ разбирательствѣ споровъ о границахъ съ смежными владѣльцами въ дачахъ обмежеванныхъ (Т. X. Ч. II Зак. суд. гражд. ст. 851); в) при специальномъ размежеваніи земель, замежеванныхъ по планамъ генеральнаго межеванія въ общее владѣніе (Т. X. Ч. III. Зак. меж. ст. 751 и 782), и г.) при разграниченіи церковныхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ на основаніи Высочайше утвержденного 26 ноября 1862 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ первомъ изъ сихъ случаевъ всѣ издержки по межевымъ дѣйствіямъ, конечно, должны быть относимы на счетъ того духовнаго учрежденія, т. е. церкви, Архіерейскаго дома или монастыря, по требованію коего тѣ дѣйствія производились; во второмъ случаѣ, на основаніи 167 ст. св. меж. зак. и прим. къ ней, должны подлежать взысканію съ виновныхъ; въ третьемъ, по ст. 1089 т. III уст. служ. Прав., со всѣхъ владѣльцевъ дачи и, наконецъ, въ послѣднемъ, на точномъ основаніи вышеприведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, на счетъ стороны, заявившей требованіе относительно разграниченія земель. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ, согласно съ заключеніемъ Святѣйшаго Синода и мнѣніемъ Министра Финансовъ, опредѣляетъ: въ разрѣшеніе представленія Губернскаго Правленія, дать

знать оному, что прогонныя и матеріальныя деньги, употребляемыя землемѣрами губернскаго вѣдомства, должны быть относимы: при отводѣ кладбищъ къ городамъ или селеніямъ—на городскія и сельскія общества; при отводѣ къ приходскимъ церквамъ земель въ узаконенную пропорцію—на общество прихожанъ церкви; при межевыхъ дѣйствіяхъ по дачамъ церквей, Архіерейскихъ домовъ и монастырей, какъ отведеннымъ въ положенную межевыми законами пропорцію, такъ и принадлежащимъ имъ по разнымъ укрѣпленіямъ, на означенныя духовныя учрежденія, или на общихъ и смежныхъ владѣльцевъ, на вышеизложенныхъ основаніяхъ. **П р и к а з а л и:** О вышеизложенномъ постановленіи Правительствующаго Сената дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами, для свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ. Августа 10 дня 1865 года.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

По представленію Нижегородской Духовной Консисторіи отъ 2-го іюля 1865 г., утвержденному Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Нектаріемъ Епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ:

I. Награждены набедренниками:

а) За обученіе поселянскихъ дѣтей: Арзамасскаго уѣзда села Ивановскаго свящ. Александръ Фіаловъ, села Краснаго свящ. Іоаннъ Покровскій, Семеновскаго уѣзда села Воробьева свящ. Іоаннъ Формозовъ, Макарьевскаго уѣзда села Ленкова свящ. Викторъ Доброславинъ, Ардатовскаго уѣзда села Старой Велетьмы свящ. Петръ Граціановъ, Княгининскаго уѣзда села Андрейкова священ. Алексій Кармазинскій; б) за прохожденіе должности наставниковъ и законоучителей въ сельскихъ училищахъ: Лукоянов-

скаго уѣзда села Ильинскаго свящ. Павелъ Гонорскій, Горбатовскаго уѣзда села Ярымова свящ. Алексій Знаменскій, Васильскаго уѣзда села Воротынца священ. Михаилъ Бѣлавинъ, и в) Нижегородскаго уѣзда села Борисова-Поля свящ. Евграфъ Спасскій, за долговременное прохожденіе пастырской должности и за прохожденіе депутатской, села Терюшева свящ. Θεодоръ Спасскій за долговременное при честномъ поведеніи пастырское служеніе, Лукояновскаго уѣзда села Кріуши свящ. Петръ Яблонскій, за ревностное проповѣданіе Слова Божія, Горбатовскаго уѣзда села Новинокъ свящ. Θεрапонтъ Виноградовъ, за долговременное пастырское служеніе, города Балахны Богородице-Рождественской церкви свящ. Павелъ Орловскій, за долговременное пастырское служеніе и за прохожденіе должности духовника, Лукояновскаго уѣзда села Рождествена свящ. Василій Амасійскій за долговременное прохожденіе депутатской должности.

II. ИЗЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА
СО ВНЕСЕНІЕМЪ ВЪ ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ:

а) За обученіе поселянскихъ дѣтей: Нижегородскаго уѣзда села Новаго свящ. Григорію Добротину, Арзамасскаго уѣзда села Выѣздной-Слободы свящ. Николаю Сахарову, Семеновскаго уѣзда села Худякова свящ. Василию Добронравову, Макарьевскаго уѣзда села Мазы священ. Алексію Разумову, Лукояновскаго уѣзда села Ульяновки свящ. Александру Миловскому, села Никитина священ. Иоанну Раевскому, села Протасова свящ. Стефану Смирнову, села Аттингеева свящ. Павлу Лебедеву, села Дивѣева-Усада свящ. Александру Фигурову, Горбатовскаго уѣзда села Клещарики свящ. Василию Покровскому, села Абабкова свящ. Алексію Травину, Балахнинскаго уѣзда села Василевой-Слободы свящ. Петру Вѣнскому, Сергачскаго уѣзда села Чукаль свящ. Матею Листову, Княгининскаго уѣзда села Папулова свящ. Иоанну Нечаеву, Нижегородскаго уѣзда села Сарлей священ. Михаилу

Яблонскому, села Таможникова священ. Владиміру Востокову, села Гридина священ. Филипу Царевскому, села Крутца священ. Павлу Серебровскому, Арзамасскаго уѣзда села Бестужева священ. Василию Алаеву, села Хохлова священ. Іоанну Левашеву, села Кожина священ. Іоанну Аристову, села Щедровки священ. Михаилу Прудовскому, села Кержемка священ. Александру Невскому, села Старога-Иванцева священ. Іоанну Троицкому, села Вечкусева священ. Павлу Сперанскому, села Мотовилова священ. Андрею Минервину, Семеновскаго уѣзда села Богоявленскаго священ. Василию Троицкому, Ардатовскаго уѣзда села Ризадѣева священ. Евгенію Синаеву, села Кузятова священ. Дмитрію Никольскому, села Автодѣева священ. Іоанну Васильеву, села Сарминскаго-Майдана священ. Дмитрію Снѣгиреву, города Балахны Знаменской церкви священ. Матвѣю Перитскому, Сергачскаго уѣзда села Большаго-Андосова священ. Григорію Нестерову, села Столбищъ священ. Василию Богданову, Васильскаго уѣзда села Быковки священ. Θεодору Глазкову, Лукояновскаго уѣзда села Большаго Маресева дьячку Θεофану Сѣргіанскому, села Яза діакону Михаилу Подетаеву, заштатнаго города Починокъ Крестовоздвиженской церкви дьячку Ивану Тихову, села Ичалокъ діакону Іоанну Пѣвницкому, Ардатовскаго уѣзда села Бѣговатова діакону Владиміру Зефирову, села Замятина дьячку Ивану Виноградову, села Успенскаго пономарю Алексѣю Комарову, села Берякушъ пономарю Θεодору Сперанскому, Васильскаго уѣзда села Хмѣлевки діакону Стефану Флерову, села Кекина пономарю Павлу Масловскому, села Быковки діакону, а нынѣ Медвѣдевскаго Покровскаго единовѣрческаго монастыря священ. Василию Агніеву, села Чугуновъ діакону Семену Любимцеву, онагожъ села пономарю Александру Петропавловскому, Балахнинскаго уѣзда села Катунюкъ Рождественской церкви діакону Василию Кроткову, Сергачскаго уѣзда села Чукаль священ. Іоанну Цедринскому, села Ляпи священ. Николаю Предтеченскому, Арзамасскаго уѣзда села Чуфарова діакону Іоанну Погопаеву, села Вечкусева діакону Василию Мизеровскому, села Кожина

дьячку Ивану Яковлеву, онагожь села пономарю Виктору Лавровскому; Нижегородскаго уѣзда села Богоявленья свящ. Іоанну Кроткову, онагожь села діакону Василию Славниக்குму, села Вередѣва діакону Ивану Соколовскому, села Крутца дьячку Василию Серебровскому, села Аѳанасьева дьячку Матвѣю Румянцеву, Книгининскаго уѣзда села Вельдеманова свящ. Іоанну Зерновскому, села Игнатова священ. Михаилу Голубицкому, села Крутца священ. Владиміру Яворскому, Сергачскаго уѣзда села Пустошки діакону Ѳеодору Смирнову, села Чукаль дьячку Ивану Макову, села Молчанова дьячку Ивану Вознесенскому, Лукояновскаго уѣзда села Ново-Александровки свящ. Сергію Ласточкину; б) за прохожденіе должности законоучителя и наставника въ сельскихъ училищахъ: Васильскаго уѣзда села Сушева свящ. Василию Слободскому, Ардатовскаго уѣзда села Верхнежелѣзницкаго завода свящ. Дмитрію Щеглову, Васильскаго уѣзда села Сумокъ свящ. Михаилу Востокову, Ардатовскаго уѣзда села Илевскаго завода діакону Іоанну Петропавловскому; в) за долговременное пастырское служеніе: Макарьевскаго уѣзда села Троицкаго свящ. Дмитрію Богородскому и села Нестіара свящ. Григорію Полетаеву, Горбатовскаго уѣзда села Теряева свящ. Никандру Макову; за ревностное преподаваніе слова Божія: Лукояновскаго уѣзда села Большаго-Маресева свящ. Льву Кудрявцеву; за честную священническую службу и доброе поведеніе: Васильскаго уѣзда села Сосновки священ. Николаю Софійскому, за доброе поведеніе и честную службу села: Вершинина свящ. Ѳеодору Лебединскому и села Долгаго-Поля свящ. Михаилу Колосовскому.

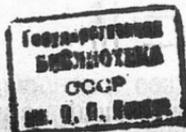
На основаніи указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 31 Октября 1851 г. за № 12578, Преосвященнѣйшій Александръ Викарій Литовской епархіи, отзываетъ отъ 24 апрѣля сего года за № 3249, просилъ Преосвященнѣйшаго Нектарія, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, о высылкѣ въ литовскую епархію, если

можно, пяти человекъ, окончившихъ курсъ ученія воспитанниковъ Нижегородской семинаріи, надежныхъ по способностямъ и благоповеденію, для занятія наставническихъ мѣстъ. Такъ какъ въ настоящее время настоятъ необходимая надобность въ скоромъ замѣщеніи наставническихъ мѣстъ болѣе какъ на 40 сельскихъ училищъ въ сей епархіи; то по сему литовская духовная консисторія покорнѣйше честь имѣетъ просить таковую жь Нижегородскую ускорить распоряженіемъ на счетъ высылки въ сію консисторію для прописанной цѣли соотвѣтственныхъ кандидатовъ съ надлежащими о нихъ свѣдѣніями. По поводу сего отношенія Нижегородскою консисторіею опредѣлено: съ прописаніемъ сего сообщенія, для объявленія окончившимъ курсъ семинарскихъ наукъ воспитанникамъ, припечатать въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, чтобы благочинные отъ желающихъ поступить въ Литовскую епархію для занятія наставническихъ въ сельскихъ училищахъ должностей взяли отзывы и оныя немедленно представили въ Консисторію при репортахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства. — Извѣстія.

Дозволено цензурой. 6-го сентября 1865 года.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

15-го сентября.

№ 18-й.

1865 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ.

(Продолженіе.)

III.

Прежде всего взоръ первобытнаго человѣка былъ пораженъ безграничнымъ пространствомъ неба, этимъ необъятнымъ, чуднымъ царствомъ свѣта. Обожаніе неба уходитъ въ самую отдаленную эпоху кочевой жизни народа, когда предъ нимъ быстро смѣняются всѣ явленія природы и одно только глубокое небо остается неизмѣннымъ, не разлучнымъ спутникомъ его неугомоннаго движенія. Съ полнымъ чувствомъ вездѣ присутствія въ природѣ одной божественной силы, славянинъ задумывался надъ многоразличными, особенно поразительными явленіями

неба, откуда лились живительный свѣтъ и теплота. И вотъ въ чувствѣ благоговѣнія онъ прежде всего повергся предъ небомъ. «Ты, небо, видишь; ты, небо, слышишь, что хочу я сдѣлать», взывалъ онъ въ своихъ языческихъ заговорахъ—молитвахъ. Такъ явился *Сварогъ*, первое верховное божество славянъ, божество небснаго свѣта и пространства. (1)

Вѣрованіе въ Сварога составляетъ первую степень славянскаго многобожія, корнями своимъ оно доходитъ до древнѣйшей индоевропейской эпохи; оно коренится въ древнемъ почитаніи, которое индѣйцы воздавали своему свѣтлому Варунѣ, отъ котораго происходитъ греческій Ураносъ. Въ Платьевской лѣтописи находимъ классическое мѣсто о Сварогѣ, какъ о восточномъ родоначальникѣ славянорусскихъ боговъ. «И бысть по потонѣ и подраздѣленіи языкъ поча царствовати первое Месромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Θεоста, иже и Сваророга нарекоша Егуптяне, прозваша и богъ сварогъ; и по семъ царствова сынъ его именемъ, солнце, его же наричуть Даж-богъ, солнце царь, сынъ Свароговъ.»

На небѣ видны особенныя средоточія свѣта и тепла; тамъ одно за другимъ проходятъ разныя свѣтотыя явленія. Все это разнообразіе неба выражалось однимъ общимъ представленіемъ о Сварогѣ. Но анализъ не остановился на этомъ отдѣленіи Сварога отъ природы; онъ шелъ далѣе, и разграничилъ, отдѣлилъ одно отъ другаго и разныя свѣтотыя явленія, также явленія теплоты. Славянинъ язычникъ видѣлъ на небѣ средоточіе свѣта и тепла въ солнцѣ, видѣлъ, какъ свѣтлая стихія проявлялась въ молніи, небесномъ огнѣ. Для всѣхъ подобныхъ явленій, которыя онъ подмѣчалъ въ своемъ наблюдательномъ благо-

(1) Буслаевъ объясняетъ названіе Сварога изъ Санскритскихъ словъ: *свар*—небо, отъ *сур*—свѣтить, блистать, и *ва*—ходить (нѣмецкое *делен*, латинское *со*).

говѣнн предъ природою, онъ создалъ новыхъ божественныхъ представителей. Личность Сварога стала дробиться, какъ прежде раздробилась личность единого Бога. На древнемъ мѣстическомъ языкѣ это выражалось тѣмъ, что Сварогъ рождаетъ дѣтей. Это перенесеніе на него первобытныхъ родовыхъ понятій есть единственная черта, которая указываетъ на личную жизнь этого древнѣйшаго божества. Объ немъ пѣтъ еще ни одного мѣста. Дѣтьми Сварога, Сварожичами, были: *Дажбогъ*—солнце (2), о которомъ говорить приведенное сей часъ мѣсто Ипатьевской лѣтописи, и Огонь. Въ одномъ древнемъ поученіи, обличавшемъ язычество, читаемъ: «и огневи молятся, зовуть Сварожичемъ». Въ малороссіи огонь до селѣ называется богачъ, сынъ Бога (боговичъ).

Для поэтической фантазіи народа-дитяти солнце не было небеснымъ тѣломъ, которое своимъ видимымъ движениемъ производитъ годовыя и суточные перемѣны; для нея солнце было свѣтлымъ божествомъ Дажбогомъ, который иначе назывался *Хорсомъ*. (3) «Подобно тому, какъ Германцы представляли солнце окомъ Вуодана, которымъ онъ смотритъ на землю чрезъ небесное окно, и Славяне, по свидѣтельству стиха о Голубиной книгѣ, производили солнце отъ лица божія. Сербы называли востокъ «прозоромъ Божиимъ». Вотъ наступаетъ утро, и свѣтлый Дажбогъ выглядываетъ въ окно на восточномъ небосклонѣ на всю широту земную и на дѣла людей. Не простымъ дѣтскимъ припѣвомъ, а благоговѣйной молитвой была для славянина извѣстная пѣсня, которую дѣти поютъ въ ненастный день, обращаясь къ небу, заволоченному облаками: «Солнышко, ведрышко! Выгляни въ окошечко!..» Утренняя заря, «заря зоринька, заря солнцева сестрица», какъ называетъ ее одна пѣсня, выводитъ бѣлыхъ коней Даж-

(2) *Даж* происходитъ отъ санскритскаго *даи* день

(3) *Хорсъ* имѣетъ корнемъ: *хре*, *хрис*, *крис*,—восточное *коре*, солнце.

бога, и онъ—великій Хорсъ, юноша необыкновенной красоты, ѣдетъ по небу въ своей колесницѣ подобно свѣтлому Гелиосу Грековъ или Германскому Вуодану. Когда случалось солнечное затмѣніе, славянину представлялось, что какая нибудь злая сила дикимъ вопремъ или волкомъ прерыскала путь великому Хорсу, или съѣла его, или что его вѣдма, злая чаровица, скрала съ неба и спрягала въ свой рукавъ. Онъ исполнялся тогда суевѣрнаго ужаса и думалъ, какъ бы не погибла жизнь Дажбожихъ внуковъ—людей.

Переносъ на небо формы своего быта, славянинъ окружилъ своего Хорса огромною семьею. У солнца были сестры—заря утренняя и вечерняя, которыя называются иначе солнцевыми дѣвами, его прислужницами. Звѣзды представлялись дѣтьми Дажбога. Вотъ почему наши колыдныя пѣсни сравниваютъ хозяина дома съ солнцемъ, жену съ мѣсяцемъ или на оборотъ, а дѣтей съ звѣздами частыми. Имъ какъ, и солнцу, приписывается преданіями сила жизни и плодородія. Въ половинѣ февраля овчари просятъ у звѣздъ плодородія овецъ: «засвѣтись звѣзда ясная по поднебесью на радость, загорись огнемъ нечаяннымъ на утѣху. Ты освѣти, звѣзда ясная огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба (такого то) уродилось овецъ болѣе того.» По извѣстной примѣтѣ: много звѣздъ на небѣ въ святки къ урожаю. Такое оплодотворяющее вліяніе звѣздъ простиралось и на людей. Отъ того звѣзды покровительствуютъ свадьбамъ. 4 января дѣвушки выходятъ на дворъ примѣчать звѣзды и причитаютъ.

«Ай, звѣзды, звѣдочки!...

Засыпайте сватей

По міру крещеному;

Соостряпайте свадебку

Для міра крещенаго,

Для міра гостпаго,

Для красной дѣвицы,

Свѣтъ родимой (такой то).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ звѣзды приглашаются сойти въ чашу брачную. Мѣсяцъ былъ также божествомъ; одна

Галицко-русская пословица прямо замѣчаетъ: «мѣсяць нашъ божокъ, а кто жъ намъ буде боговати, якъ его не стане?» Отношенія его къ солнцу очень неопредѣленны. У сербовъ въ пѣсняхъ онъ называется братомъ солнца и дядей его. У литовцевъ онъ мужъ солнца; пѣсня рассказываетъ, какъ Перунъ разсѣкъ его на двое за то, что онъ измѣнилъ солнцу и ночевалъ съ утрянцею. По нашимъ преданіямъ солнце также иногда представляется женою мѣсяца, наприм. въ колядкахъ. Въ народѣ говорятъ, что оно, поворачивая на лѣво, рядится въ свой праздничный сарафанъ и кокошникъ; въ томъ же народѣ оно выѣзжаетъ на купалу на встрѣчу своему супругу-мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные искры. Г. Буслаевъ замѣчаетъ, что древнѣйшее названіе солнца—*свѣльнь*, сохранившееся въ словѣ—*посолонь*, рода женскаго. Представленіе его въ мужескомъ родѣ позднѣйшее, когда съ развитіемъ въ народѣ земледѣльческой жизни началось обоготвореніе земли; солнце стало тогда мужемъ матери сырой земли, оплодотворявшимъ ее.

Славянинъ создалъ и особую страну, гдѣ живетъ солнце, куда оно уходитъ на ночь, куда удаляются его живительные лучи зимою. Лѣтопись Нестора знаетъ это «солнце мѣсто» гдѣ-то на восточной странѣ за моремъ. Чехи говорятъ, что тамъ вѣчное лѣто, что оттуда прилетаютъ къ намъ сѣмена и птицы. Въ малороссіи эта страна, куда на зиму улетаютъ птицы и насѣкомыя, называется Вирій; объ Виріи читаемъ еще въ духовной Владиміра Мономаха: «сему ся подивуемы, яко птица небесныя изъ ирья идутъ... да наполняться лѣси и поля.» Наши народныя сказки помнятъ о счастливой странѣ вѣчной весны и о солнечномъ градѣ. Въ эту страну нужно ѣхать чрезъ широкое море; путь туда сторожить двѣнадцати-головый огненный змѣй. Тамъ растутъ золотые сады съ золотыми яблоками, которыя клюетъ Жарь-птица, птица солнца, славянскій фениксъ. Тамъ поютъ райскія птицы. Рѣки текутъ серебромъ, и въ нихъ каждый день смотрится и умывается ясный мѣсяць. А княжить тамъ

царь-дѣвица, краше которой на свѣтѣ нѣтъ. Припомните, что солнце въ старину было женскаго рода. Сказочный Ерусланъ ѣздилъ за тихія воды, за теплыя моря къ царю *Огненому Щиту* и *пламенному коню*; онъ пожигаетъ всѣхъ, кто къ нему приближается; его желчь даетъ зрѣніе слѣпымъ. Это тоже олицетвореніе огненнаго диска солнца. Въ объясненіе послѣдней черты припомнимъ, что стихъ о Голубиной книгѣ производитъ наши очи, зрѣніе отъ солнца. Нѣсколько подробностей о солнечной странѣ находимъ еще въ сказкѣ о трехъ царствахъ: золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что блескъ металловъ и свѣтъ свѣтилъ и огня постоянно сближаются въ повѣрьяхъ и служатъ источникомъ разныхъ поэтическихъ подробностей въ мифахъ и вѣрованіяхъ. Солнце представляется *золотымъ* туромъ или конемъ, *Жарь*-птицею съ *золотыми* перьями; ѣздитъ солнце на *золотомъ*, *серебряномъ* и *бриллиантовомъ* коняхъ; живетъ тоже среди *золота* и *серебра*. Заря, красная дѣвица по заговорамъ сидитъ на *золотомъ* престолѣ, съ *серебрянымъ* блюдомъ въ рукахъ. Мѣсяцу даются эпитеты: *серебряные* рожки, *золотая* твои ножки. Съ другой стороны металлы сближаются съ свѣтомъ и огнемъ. «Що *горытъ* безъ пламени? спрашиваетъ малороссійская загадка, и отвѣчаетъ: «гроши», *Надъ мѣстомъ*, гдѣ зарытъ кладъ, по народнымъ повѣрьямъ, всегда мелькаетъ огонекъ.

Въ этой то дивной странѣ востока, царству вѣчнаго свѣта и жизни, и обращался славянинъ съ своею молитвою къ Дажбогу. Заговоры сохранили намъ нѣсколько подробностей объ обрядахъ этой молитвы. Онъ вставалъ раннимъ-рано поутру въ утреннюю зарю, умывался свѣжею водою или росою, утирался бѣлымъ платомъ и шель въ чистое поле, гляючи на востокъ краснаго солнышка. Потомъ начиналъ молитву-заговоръ. Поздней-вечерней зарей, когда спадала сырая роса, онъ опять выходилъ въ поле и становился лицомъ на востокъ. Съ большимъ разви-

тѣмъ обрядности онъ очарчивался кругомъ призорочнѣмъ, чертою, указывавшею на образъ небесныхъ свѣтилъ и ихъ движеніе. Зычнымъ, громкимъ т. е. сильнымъ и торжественнымъ голосомъ онъ призывалъ Сварога и его дѣтей и внуковъ, всю семью свѣтлыхъ небесныхъ божествъ. Ты, небо, слышишь; ты, небо, видишь!... Мѣсяць, мѣсяць, серебряные твои рожки, золотыя твои ножки! — Сойдите вы, звѣзды частыя, ты, мѣсяць ясный, солнушко привольное! — Заря заряница, красная дѣвица, полунощница! Или же онъ славословилъ свѣтлаго Дажбога, восклицая: славенъ естъ, чей славенъ естъ, нашъ милый боже, на высокости! — Ладо, свѣти боже! Ладо, слушай насъ, Ладо! — Пѣсьме, Ладо, пѣвемо ти, сердца наша кланіамо ти. Ладо слушай насъ, Ладо!»

Такъ въ образѣ свѣта славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни. Все противное этой силѣ, — все мрачное, холодное, несущее съ собою смерть и ослабленіе жизни, получило характеръ враждебной, приурочивалось религіознымъ сознаніемъ къ области злой нечистой силы. Когда солнце скрываетъ свои лучи и наступаетъ ночь, когда лѣто смѣняется зимою и холодъ губитъ всякую жизнь въ природѣ, въ это время просторъ для нечистой силы. Подобно тому, какъ эпитеты: бѣлый, красный, указывающіе на свѣтъ, прилагаются ко всему прекрасному, доброму, производящему жизнь и счастье, слова: темный, черный, мрачный стали обозначать все безобразное злое, вредное, нечистое, губительное. Какъ языкъ (4), такъ и повѣрья сближаютъ нечистую силу и злое царство съ холодомъ и мракомъ. Ночь доселѣ сохранила свой страшный, нечистый характеръ. Ночью совершаются чары, являются духи и т. п. Нечистая сила и живетъ и дѣйствуетъ постоянно въ потемкахъ. Потому

(4) Отъ корня *мор* одинаково происходятъ: мракъ (морозъ), морозъ, смерть, мара (призрѣвъ), мерекъ (чортъ отъ меркутъ), марать, хмара, смрадъ, мерзость.

она преимущественно разгуливает зимой. Съ 9 Ноября, по народнымъ повѣрьямъ, зима встаетъ на ноги, прилетаютъ морозы отъ желѣзныхъ горъ, нечистая сила выходитъ изъ ада и своимъ появленіемъ производитъ холода и матели. 12 Декабря зима поворачиваетъ на морозъ. Сильные холода и простудныя болѣзни. Нечистая сила связывается съ вѣдьмами, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ, отъ чего бываетъ трескъ и мягель, морозъ и холодный вѣтеръ. Средина зимы—святки—полное раздолье для нея. 5 января на всѣхъ дверяхъ и окнахъ чертятъ кресты, ходя съ двумя пирогами, что напоминаетъ о жертвѣ нечистой силѣ. Ей тоже принесли жертвы. Предъ великимъ днемъ въ Нижегородской губерніи варятъ овсяный кисель въ жертву морозу. Старшій въ семьѣ подноситъ его или къ печному челу или къ волоковому окну и приговариваетъ: «морозъ, морозъ! не бей нашъ овесъ; приди къ намъ кисель ѣсть. Кисель ѣшь, а овесъ, пшеницу не трошь».

Сообразно съ своимъ темнымъ характеромъ всѣ представители темной силы представлялись черными, мерзкими, безобразными. Главнымъ олицетвореніемъ этой силы была *Морена* или Морана. Ея имя донинѣ памятно у Словаковъ, Чеховъ, Поляковъ; у восточныхъ славянъ она забыта, но нѣкоторые обряды, которые мы еще увидимъ, также малороссійскія обрядовыя пѣсни хранятъ слѣды поклоненія ей и здѣсь. Морена (отъ *мор*) была начальною силою всякаго зла, болѣзни и смерти. Съ ней родственно древнее мифическое существо *Нежить*. Какъ Морена имѣетъ корнемъ *мор*, такъ *Нежить* происходитъ отъ *жить*, и отрицательной частицы. Одна древняя рукопись описываетъ Нежита въ такихъ чертахъ. Идетъ Нежить отъ сухаго моря и встрѣчается съ доброю силою: «Камо идешь?» спрашиваетъ его добрая сила. «Сѣмо иду, отвѣчаетъ онъ, въ человѣчу главу мозга ерчать, челюсти преломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити, и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпити, носа гугнити, крове ихъ проліати, вѣка ихъ изсушити, устьны ихъ кривити и удовъ ихъ разслабляти» и проч. Сила благая запрещаетъ ему дѣлать это и

отсылаетъ его жить въ пустыню, въ каменную гору, въ елену главу. Морана представлялась не мѣнѣе страшною. По старославянскому преданію она носитъ свою голову подъ мышкой и блуждаетъ ночью подъ окнами избъ, выкликакая имена жителей: кто отзовется, умретъ. Сюда же нужно отнести страшные образы смерти. Чума, моровая язва, холера представляются въ видѣ высокой жепщины, въ бѣломъ или черномъ одѣяніи, съ распушенными волосами. Она развѣзжаетъ по свѣту въ своей повозкѣ или на какомъ нибудь человѣкѣ, машетъ краснымъ платкомъ изъ своей костлявой руки на четыре стороны и все кругомъ мретъ. Просунетъ свою руку съ платкомъ въ окно или дверь избы и въ семьѣ поселится зараза и смерть. Болѣзни, изчадія Морены, представляются также въ страшныхъ и безобразныхъ образахъ. Такъ представляются лихорадки, коровья смерть и проч. Замѣчательно, что всѣ эти олицетворенія нечистой силы мрака и холода представляются синими, замороженными. Наконецъ у насъ сохранилось знаменательное преданіе, что нечистая сила, враждебная жизни и рожденію, живетъ безродною. «Живетъ, читаемъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», — нечистая сила сама по себѣ; ни съ кѣмъ то она проклятая не роднится; нѣтъ у ней ни роднаго брата, ни родной сестры; нѣтъ у ней ни родимаго отца, ни родимой матери; нѣтъ у ней ни двора, ни поля, а пробивается бездомная гдѣ день, гдѣ ночь. Безъ привѣту, безъ радости глядитъ она нечистая на добрыхъ людей: все бы ей губить да крушить, все бы ей на зло идти, все бы ей міромъ мутить.» Извѣстно, что ни гдѣ такъ много не вредитъ нечистая сила, какъ на свадьбахъ: она въ самомъ корнѣ хочетъ вредить жизни и рожденію. Извѣстны также разсказы, какъ нечистая сила старается портить дѣтей и похищаетъ ихъ иногда еще изъ чрева беременной женщины.

Жилище темной силы, въ противоположность жилищу свѣтлыхъ боговъ на востокѣ, полагается народными преданіями на дальнемъ западѣ. Тамъ среди желѣзныхъ, без-

плодныхъ горъ царствуетъ вѣчная зима, вѣчный мракъ и бѣды всякаго рода. Изъ тамошнихъ снѣжныхъ пропастей и горъ, гдѣ всякая жизнь умираетъ, прилетаютъ къ намъ морозы; туда же опять улетаютъ на лѣто. Тамже жилище лихоманокъ, коровьей смерти и проч. Самое созданіе горъ приписывается нечистой силѣ. Божья благодать—ровная гладь, а горы да овраги—чортово житье. Въ заговорахъ нечистая сила отсылается въ океанъ море, въ бездны преисподнія, въ тартарары. На землѣ нечистая сила любить особенно темныя, страшныя мѣста, болота и омуты (отъ мутный, темный). «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», замѣчаетъ пословица. «Изъ омута въ адъ, какъ рукой подать.»

Какъ скоро явилось понятіе о доброй и злой силѣ, религиозный эпосъ долженъ былъ поставить ихъ во враждебное отношеніе между собою, во взаимную борьбу. Заговоры просятъ у добрыхъ божествъ помощи противъ злыхъ. Народная вѣра надѣялась на силу первыхъ, на ихъ торжество надъ послѣдними. Туже борьбу она видѣла во всемъ теченіи жизни. У Слсваковъ сохранилось преданіе, что когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по небу, нечистая сила собирается и ждетъ его возвращенія, чтобы сбить его. Но при одномъ приближеніи она чувствуетъ свое безсиліе и снѣшитъ скрыться въ разсѣлинахъ скаль. Тамъ первые лучи солнца разгоняютъ ночной мракъ, и испуганный, онъ бѣжитъ отъ свѣта въ глубину пещеръ и пропастей, куда не доходятъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба и каждый день солнце остается побѣдителемъ. Есть одна древняя загадка, выражающая эту борьбу: «кои два супостата борются? смерть да животь. Кои два супостата препираются? день и ночь.» По народнымъ повѣрьямъ, едва наступитъ первый часъ утра, какъ нечистая сила стремглавъ бросается домой. Страхъ ея обыкновенно связывается съ пѣниемъ пѣтуха. Нечистые боятся его, потому что онъ былъ посвященъ свѣтлымъ божествамъ, первый привѣтствовалъ восхожденіе солнца. Въ бесѣдѣ Панагіота съ фря-

зиномъ Азимитомъ читаемъ замѣчательное мѣсто, указывающее на мифическое значеніе пѣтуха. «Того ради и пѣтель пророкомъ именуется... имѣть подь своими крыльями знаменіе на перѣ. И когда пойдетъ солнце отъ запада къ востоку, тогда поскребнеть у пѣтела то перо; а когда уготовится солнце ко исхожденію, тогда почуветь пѣтель и, открывъ голову, пробуждается, и давля зная птицамъ тѣмъ, плещеть крыльями своими, проповѣдуя міру воскресеніе.»

Надобно впрочемъ замѣтить, что дуализмъ не былъ до конца развитъ въ нашей мифологіи. Народное міросозерцаніе знало множество темныхъ силъ. Но въ ряду ихъ являются и свѣтлыя силы. Наприм. снѣгъ, произведеніе Морены, зимы, весной имѣеть доброе значеніе, благотворно дѣйствуетъ ни красоту и здоровье. Вѣтры оживляя природу тепломъ, въ то же время несутъ смерть, разныя заразительныя болѣзни. Самое солнце представляется съ двойственнымъ характеромъ, какъ зимнее и лѣтнее солнце. Доселѣ дуализмъ нашей мифологіи составляетъ спорной вопросъ. Намъ кажется, этотъ вопросъ легко рѣшается тѣмъ, что два разряда божествъ еще не успѣли у насъ окончательно разграничиться между собою, что это разграниченіе только еще началось. Замѣчательно, что у Поморскихъ славянъ истуканы боговъ были съ двумя или съ четырьмя лицами, указывающими на лѣто и зиму или на всѣ 4 времени года. Одинъ истуканъ, по свидѣтельству Массуди, былъ изъ четырехъ камней—зеленаго хризолита, краснаго рубина, желтаго карнеола, бѣлаго кристалла и съ одной золотой головой. Эти цвѣта ясно указываютъ на зеленую весну, красное лѣто, желтѣющую осень, бѣлую зиму, а золотая голова—само солнце. Зимнее солнце—противуположность лѣтняго,—символь холода, мрака и безсилія. Солнце, когда оно положительно вредно, называется въ сербскихъ пѣсняхъ «старымъ крвникомъ». Можетъ быть, въ этомъ представленіи заключается причина названія многихъ болѣзней отъ корня: богъ. Богине—оспа, божій бичъ, божка

иоць—падучая болѣзнь, божа рука—ударь, божа рапа—чума, божіе—обморокъ, убожье—уродство. У Чеховъ зимнее солнце извѣстно подъ названіемъ *крта* (крк, крч), откуда наше русское: *карачунъ*. «Дать карачунъ» въ смыслѣ «убить» прямо указываетъ на зловредное значеніе карачуна—солнца. Можетъ быть, наше Хорсь, которое ставится рядомъ съ именемъ Дажбога, именно означаетъ зимнее солнце. По крайней мѣрѣ нѣкоторые положительно догадываются объ этомъ (Шеппингъ). Изъ значенія слова Карачунъ объясняется старинное названіе рождественскаго поста Карачуномъ: это зимній постъ. И такъ Карачунъ это тоже, что Аполлонъ губитель древнихъ Грековъ, обратная сторона свѣтлаго, добраго Аполлона, нашего Дажбога. По словамъ Массуди, онъ былъ богомъ смерти, поирателемъ животныхъ, разграбителемъ костей мертвецовъ, т. е. мертвые, по его велѣнію, въ концѣ Декабря вставали изъ своихъ гробовъ и ходили по землѣ.

Обратися къ другимъ добрымъ божествамъ.

Вмѣстѣ съ свѣтомъ славяне боготворили огонь—другаго Сварожича. Имѣя одно происхожденіе съ солнцемъ, Дажбогомъ, онъ также сдѣлался самостоятельнымъ божествомъ, подобно индейскому Агни (ignis). Какъ живое, владычественное въ мірѣ существо онъ назывался «живымъ огнемъ» и «царемъ огнемъ.» Огонь сварожичъ какъ въ вѣрованіяхъ, такъ и въ обрядахъ поставляется въ ближайшей связи съ солнцемъ и свѣтилами. Самыя свѣтила суть нѣчто иное, какъ средоточія небснаго царя-огня; объ нихъ говорится, что они *горятъ и тухнутъ*. Между крестьянами они называются Божьими огоньками. Вслѣдствіе такого сближенія свѣта солнечнаго съ свѣтомъ огня, время праздновать тому и другому Сварожичу было одно и тоже—праздникъ Купалы. Отъ того мѣсяць Іюнь, когда праздновали Купаль, назывался *Крестиколъ*. Слово *кресъ* представляетъ замѣчательный примѣръ мифическаго сочетанія понятій о солнцѣ, огнѣ и жизни. По объясненію г. Буслаева, это слово означаетъ

огонь и дѣтній поворотъ солнца. Отсюда: кресины— время солнорота, кресиво-огниво, кресать—высѣкать огонь; въ отвлеченномъ смыслѣ, въ приложеніи къ жизни: быть на кресу—имѣть удачу, успѣхъ, воскресъ дѣть-оживить, и дѣть отдыхъ, наконецъ воскресить. Такъ понятія о свѣтѣ и теплотѣ переходятъ въ понятіе о жизни. Какъ творческая сила жизни, огонь по народнымъ преданіямъ, участвовалъ въ твореніи міра. У западныхъ славянъ доселѣ существуетъ преданіе, что жизнь явилась на землѣ тогда, когда въ нѣдрахъ ея загорѣлся огонь. Жизнь человѣка также сближается съ горѣніемъ, какъ это наприм. видно изъ словъ *гаснуть*, употребляемаго въ смыслѣ чахнуть, умирать. Души людей являются на могилахъ въ видѣ блуждающихъ огоньковъ.

Славянинъ поклонялся огню и на своемъ домашнемъ очагѣ, и въ овиѣ, и на купальскихъ кострахъ. Мы еще встрѣтимся съ этимъ поклоненіемъ въ описаніи разныхъ богослужебныхъ обрядовъ. Особеннымъ значеніемъ пользовался огонь, получаемый чрезъ треніе двухъ кусковъ дерева. Онъ, кажется, и былъ собственно живымъ огнемъ. Какъ самая чистая стихія, какъ источникъ жизни, огонь употреблялся для разныхъ очищеній и врачеваній. Доселѣ для предотвращенія болѣзней и смерти употребляется переходженіе или перепрыгиваніе черезъ огонь, наприм. во время скотскаго падежа скотину переводятъ черезъ костеръ; деревенскіе знахари спрыскиваютъ больныхъ водой съ угля или высѣкаютъ надъ ними искры изъ кремня. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ сохраняются остатки языческихъ гаданій по треску огня, по горѣнію пламени, по искрамъ, углямъ, золѣ и т. п. Какъ на подобный остатокъ старины, укажемъ на извѣстную всѣмъ игру зажженными лучинками съ припѣвомъ: «живъ, живъ Чурилка.» У Сербовъ эта игра сохранила еще характеръ гаданья и именно о долговѣчности; чья лучинка скорѣе погаснетъ, тотъ скорѣе умретъ. Припомните подобное же гаданіе, вкравшееся въ великое христіанское таинство, гаданіе свадебными свѣчами. Въ древности посред-

ствомъ огня совершался еще судъ божій; когда нельзя было открыть преступника обыкновенными средствами, прибѣгали къ гаданію огнемъ: преступникомъ считался наприм. тотъ, у кого скорѣе погасалъ въ рукахъ горящій уголь. Вѣще люди, волхвы и вѣдьмы, употребляли священную и могучую силу огня для своихъ чаръ, которыми они дѣйствовали не только на тѣло, но и на душу человѣка. Такъ въ народной былинѣ Марина, кievская вѣдьма, производитъ чары надъ богатыремъ Добрынею.

«Брала она слѣзы горячіе, молодецкіе,
 Набирала Марина берема дровъ,
 А берема дровъ бѣлодубовыхъ,
 Клала дрова въ печь муравленую
 Съ тѣми слѣзы горячими;
 Зажигала дрова пальцатымъ огнемъ;
 А сама она дровамъ приговариваетъ:
 — Сколь жарко дрова разгарются
 Съ тѣми слѣзы молодецкими,
 Разгоралось бы сердце молодецкое,
 Какъ у молодца Добрынюшки Никитьевича.»

Всего поразительнѣе^ѣ долженствовало быть для первобытнаго^ѣ человѣка самое страшное и грозное проявленіе небеснаго огня въ громѣ и молніи. Это грозное проявленіе его славянинъ олицетворилъ въ образѣ *Перуна*. Самое названіе его (5) показываетъ, что онъ относился тоже къ числу творческихъ силъ жизни, отъ него зависѣла производительность и рожденіе всей твари. Одна сербская пѣсня представляетъ молнію распорядительницею всего мірозданія, владычественною силою міра, которая всему даетъ гармонію. «Стала, говорится здѣсь, молнія дары дѣлить. Дала Богунесную высоту, св. Петру петровскіе жары, Иоанну ледъ и снѣга, Николѣ власть на водахъ, Ильѣ молнію и стрѣлы.» Повѣрья доселѣ говорятъ о благотворной силѣ молніи и грома. Дождемъ изъ подъ перва-

(5) Перунъ или по южнослав. паромъ имѣеть корнемъ *par*; отсюда *pario*—раждать, литовское *pejieti*—тоже раждать.

го грома всё спѣшать умываться. Первый громъ пробуждаетъ всю природу отъ зимняго сна; послѣ него уже не бываетъ морозовъ; деревья начинаютъ распускаться быстрѣе; всё животныя, погруженные зимой въ спячку, оживаютъ и начинаютъ оплодотворяться. По старинному вѣрованію, Перунъ бросаетъ зародыши дѣтей въ утробу матери. Въ житіи св. Оттона жрецъ Перуна такъ говоритъ отъ имени своего бога: «я богъ твой... я тотъ, который одѣваетъ поля муравою, а лѣса листвіемъ; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и всего, что служитъ на пользу человѣка: все это даю чужимъ меня и отнимаю отъ отвергающихъ меня.» Какъ доброе божество, Перунъ находится въ борьбѣ съ нечистою силою. Когда воздухъ дѣлался легче послѣ небесной грозы и легче дышалось среди очищенной отъ сгущенныхъ паровъ атмосферы славянинъ язычникъ думалъ, что это Перунъ разогналъ своею молніею нечистую силу.

Вслѣдствіе своей борьбы съ злыми духами, Перунъ представлялся въ воинственномъ видѣ. Сварогъ, подобно Гесту, ковачу оружія, сковалъ первые громы и бросилъ ихъ на землю. Громовержецъ завладѣлъ послѣ него его оружіемъ—громовой стрѣлой и молніею—и сталъ метать на землю свои кремни и кремницы. Онъ сталъ ѣздить по небу на огромномъ жерновѣ, который возятъ подъ нимъ горные духи, вызывающіе своимъ полетомъ вѣтры и бури; въ рукахъ его огненный лукъ съ громовыми стрѣлами, а за пазухой кремни и кремницы. Подобно индѣйскому Индрѣ, онъ бросаетъ молнію и поражаетъ ей нечистую силу; она стремглавъ бросается въ разныя стороны, когда завидитъ поѣздъ страшнаго бога въ его грозномъ вооруженіи.

Впрочемъ, какъ Дажбогъ былъ вмѣстѣ и благодѣтельнымъ и злымъ божествомъ, и Перунъ носитъ двойственный характеръ, вслѣдствіе той же неразвитости дуализма въ нашей мифологіи. Описаніе его представляетъ страшныя черты. Это слѣпая сила, которая можетъ сдѣлать

и добро и зло; она мечетъ свои кремни и кремницы на право и на лѣво безъ всякой разумной цѣли, для одного только обнаруженія своего грознаго величія, или для глупой острастки. По одному карпаторусскому преданію Перунъ бросилъ громовую стрѣлу въ утробу матери и за грѣхъ ея извратилъ природу ничѣмъ невиннаго младенца. По другому преданію, трескомъ, громомъ и пламенемъ онъ окаменилъ одну мать съ младенцемъ за то, что она будучи замарана своимъ малюткой, употребила вмѣсто постилки ячменный хлѣбъ. Сербское преданіе рассказываетъ, что Перунъ обратилъ въ камень одну женщину за то, что она выгнала раньше времени, въ Мартъ, своихъ овецъ.

Перуна обыкновенно считали главнымъ божествомъ славянъ. Это едва ли справедливо, потому что всѣ вѣрованія и обряды славянъ, сохранившіеся доселѣ вращаются около поклоненія солнцу — Дажбогу. О Перунѣ сохранилась весьма слабая память. На западѣ около поселеній литовскаго племени сохранились ясныя воспоминанія объ немъ; доселѣ громъ называется тамъ Перкуномъ; именемъ Перкуна называются многія географическія урочища; оно же слышится въ пѣняхъ, поговоркахъ, осталось въ повѣрьяхъ. Въ Россіи имя его забыто; только два урочища около Кіева и Новгорода носятъ названія отъ этаго имени, да еще одна костромская пословица: «ѣдетъ божокъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ», быть можетъ, составляетъ отголосокъ о Перунѣ. Объ его значеніи можемъ заключать изъ народныхъ сказаній объ Ильѣ пророкѣ. Замѣчательно, что самое названіе Перуна всего легче объясняется изъ литовскаго языка.

Если въ историческую эпоху варяжскихъ князей Перунъ и занималъ первое мѣсто на кievскомъ холмѣ и былъ лучше всѣхъ изукрашенъ Владиміромъ, то по крайней мѣрѣ нужно думать, что его первенствующее значеніе въ сонмѣ боговъ было еще очень молодо. Онъ не успѣлъ еще занять перваго мѣста въ народныхъ вѣрованіяхъ и вытѣснить поклоненія солнцу. Поклоненіе грому

обыкновенно является на мѣсто поклоненія небу съ развитіемъ въ народѣ земледѣльческой жизни. По всей вѣроятности Перунъ только лишь сталъ возвышаться, когда явилось у насъ христіанство. Нельзя не обратить вниманія на то, что поклоненіе ему особенно успѣло развиться на западѣ Россіи, гдѣ имѣло вліяніе литовское обожаніе Перкуна, еще въ Кіевѣ и Новгородѣ, гдѣ сильнѣе было вліяніе варяговъ князей съ ихъ обожаніемъ громоноснаго Тора. Г. Шеппингъ даже прямо считаетъ Перуна божествомъ, заимствованнымъ у литовцевъ и варяговъ. Не даромъ Олегъ въ договорѣ съ греками клянется имъ, какъ своимъ богомъ, а Владиміръ такъ усердно украшаетъ его идолъ. Время Владиміра было временемъ какого то религіознаго броженія, слѣдствіемъ котораго было принятіе христіанства. Можетъ быть, оно было слѣдствіемъ столкновенія религіи Дажбога и Тора или Перкуна.

Во всякомъ случаѣ поклоненіе Перуну не пустило глубокихъ корней въ массѣ народа. Эта масса осталась при прежней небоклонической религіи, обожала стихіи и группировала ихъ около Сварога и Дажбога. Переходъ къ земледѣльческому быту остался мало замѣтенъ въ исторіи религіи. Тоже солнце и огонь, которыя обожалъ славянинъ кочевникъ, остались божествами славянина земледѣльца. Они получили значеніе мужеской силы, оплодотворяющей общую всѣмъ мать — сырую землю. Божество грома не подчинило ихъ себѣ.

Извѣстно, что самые древніе образы, которые приписываются богамъ суть образы, снятые съ животныхъ. Человѣчeskій видъ придается богамъ уже позднѣе, при большемъ развитіи народа, съ пробужденіемъ сознанія о человѣческомъ достоинствѣ. Божество молніи въ народныхъ повѣрьяхъ почти исключительно сохранило еще свой животный образъ, — опять знакъ сравнительной молодости обожанія Перуна. Народъ меньше помнитъ его человѣчeskій образъ, чѣмъ животный. Этотъ животный образъ есть образъ огненнаго змія. Въря въ огненнаго змія такъ

еще свѣжо сохранилась, что мы пѣскольку останемся на объясненіи этаго замѣчательнаго и выразительнаго мифа. Огненный змѣй олицетворяетъ метеоры, падающія звѣзды, молнію, всѣ воздушныя явленія, змѣящіяся по небу. Поэтому почитаніе его тѣсно связано съ обоготвореніемъ свѣта и огня, особенно молніи. Связь его съ свѣтлыми божествами очевидна изъ самаго эпитета его-огненный. Онъ весь горитъ синимъ огнемъ, который вмѣстѣ съ дымомъ и искрами валитъ изъ него, изо рта, ушей и глазъ, какъ изъ горнила. Синее пламя прямо указываетъ на молнію, которой постоянно придается эпическій эпитетъ-синяя. Онъ испускаетъ зычный голосъ, отъ котораго дрожить дуброва и окарачь ползуть сильныя могучіе богатыри, — указаніе на громъ. Лучи свѣта и молніи изображаются стрѣлами; отсюда на примѣръ пѣмецкое Strahl-лучъ и славянское стрѣла одного корня; Перунъ вооруженъ громовыми стрѣлами. Стрѣла, какъ характеристичекій атрибутъ, придана и огненному змѣю: въ пасти у него и на концѣ хвоста стрѣлы. Мы видѣли еще связь свѣтлыхъ божествъ съ металлами; огненный змѣй тоже представляется въ связи съ ними. Онъ хранитель всѣхъ кладовъ; въ бѣлокаменныхъ пещерахъ, гдѣ онъ живетъ, богатыри всегда находили много золота, серебра. По повѣрьямъ, падъ чьимъ домомъ разсыпается огненный змѣй, туда онъ несетъ богатство. Золото представляется даже частью змѣинаго существа и въ извѣстной пѣснѣ прямо называется: «змѣиное крылице».

Какъ олицетвореніе свѣта и огня, какъ животный образъ Перуна, огненный змѣй является символомъ жизни, здоровья, плодородія. Явленіе грома и молніи находится въ связи съ явленіемъ дождя. Перунъ проливаетъ дождь на землю. День, посвященный Перуну, четвергъ, по повѣрьямъ, былъ преимущественно днемъ дождя; сохранилась поговорка, потерявшая впрочемъ всякій мифическій смыслъ: «послѣ дождичка въ четвергъ.» Огненный змѣй также имѣетъ связь съ дождемъ. Мысль о дождѣ, даю-

земь жизнь природѣ, выражается въ повѣрьи о живой водѣ, которая прямо называется *змѣиною*. Обыкновенное жилище змѣя въ горахъ при рѣкѣ, гдѣ и находят его богатыри. Живая вода, которою обладаетъ змѣй, даетъ людямъ красоту, молодость, здоровье. Доселѣ въ заговорахъ противъ болѣзней призывается змѣя мѣдница. Въ предостереженіе отъ лихорадокъ въ простонародѣ носятъ на шеѣ змѣиную кожу. Въ былинѣ о Потокѣ Михайловичѣ кровью огненнаго змѣя богатырь воскрешаетъ свою мертвую жену. По другому варианту этой быliny змѣй приноситъ богатырю оживляющую траву. Сказанія объ огненномъ змѣѣ народъ перенесъ и на обыкновенныхъ змѣй. Скрытная жизнь этихъ пресмыкающихся всегда поражала его воображеніе. Чудное свойство перемѣнять свою кожу, возражаться заставило приписать змѣямъ вѣчно юную жизнь, сдѣлало ихъ символомъ безсмертія. Оттого змѣя играетъ важную роль въ народной медицинѣ. Ей приписывается знаніе цѣлительной силы травъ и кореньевъ, которыми она исцѣляется отъ всѣхъ своихъ болѣзней и поврежденій. Она помогаетъ и людямъ. Есть рассказъ, какъ змѣя проползла къ роженицѣ въ баню и принесла ей цѣлительную траву, потому что когда то эта женщина сжалилась надъ ея дѣтенышами. Народъ во многихъ мѣстахъ вѣритъ, что поселеніе въ дому ужа ведетъ къ благополучію дома.

Наконецъ съ идеею огненнаго змѣя эпическая поэзія постоянно соединяетъ идею олодотворенія и рожденія. Это самая важная сторона мифа объ огненномъ змѣѣ, выдающаяся больше всѣхъ другихъ сторонъ. Свѣтлыя божества посылаютъ съ неба зародыши въ утробы матерей въ видѣ огня, который змѣею скользнетъ по небу и рассыплется надъ домомъ, гдѣ произошло зачатіе. Отъ этого надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, тамъ, по повѣрью, дѣвица утратила невинности; видѣтъ во снѣ падающую звѣзду значить рожденіе дитяти. Совершенно понятно, какимъ образомъ огненный змѣй сдѣлался причиной плодородія и всякаго рожденія. Народныя преданія приписываютъ огнен-

ному змѣю даже непосредственное участіе въ оплодотвореніи женщинъ и сильное пристрагіе къ послѣднимъ. Въ этихъ преданіяхъ находимъ цѣлую апопеезу любви. Любовь такъ и называется горячею, приравнивается къ огню, потому что онъ есть произведеніе огненнаго змѣя.

Господствующимъ содержаніемъ преданій объ огненномъ змѣѣ служитъ похищеніе имъ красавицъ и любовная связь съ ними. Когда сказочный Добрыня попалъ въ пещеру змѣя, онъ нашель здѣсь свою тетку, нѣскольکو дѣвушекъ и множество дѣтей. Появившись около какого нибудь города, огненный змѣй вездѣ требуетъ себѣ дани, и эта дань обыкновенно выплачивается красавицами, особенно прекрасной царевной. Онъ постоянно летаетъ по поднебесью, высматриваетъ красавицъ и потомъ разсыпается надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ему приглянется какая нибудь красная дѣвица. Съ появленіемъ храстіанства, когда огненный змѣй сталъ представителемъ вражей силы, преданія объ немъ получили мрачный характеръ. Знакомство женщины съ огненнымъ змѣемъ стало величайшимъ несчастіемъ; преданія о похищеніи дѣвицъ извратили цѣль этаго похищенія, — змѣй сталъ похищать красавицъ для того, чтобъж пожрать ихъ и т. д. Но сквозь этихъ мрачныхъ рассказовъ пробиваются черты стариннаго значенія мифа, сквозить высоко поэтичеккій характеръ таинственно-чудной любви огненнаго змѣя.

Какъ ни страшно знакомство съ нимъ, но его любовь такъ сильна, такъ заманчива, что подобной небыло и нѣтъ на свѣтѣ. «Если змѣй полюбитъ дѣвушку, говорить народъ, то зазноба ея неизлечима во вѣкъ; зазнобу эту ни отговорить, ни отгноить не возможно. Не любя полюбишь, не хваля похвалишь огненнаго змѣя; умѣеть обморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтами, уладить онъ, губитель, рѣчью лебединою молодую молодицу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненаглядную въ горячихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста азыя.

Отъ его поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарей
отъ его привѣтовъ цвѣтетъ красна дѣвица краснымъ сол-
нышкомъ; безъ змѣя красна дѣвица сидитъ въ тоскѣ
во кручинѣ; безъ него она не глядитъ на божій свѣтъ,
безъ него она сушитъ изсушаетъ себя». Нельзя устоять
женщинѣ противъ огненнаго змѣя; сама вѣчно-юная жизнь,
податель плодородія, здоровья, красоты, оно сама обла-
даетъ неописанной красотой. Когда разсыпавшись надъ
избою, онъ обращался въ ней въ человѣческой образъ
прекраснаго юноши, дѣвушка или женщина, имѣвшая сча-
стие пригляднуться ему, вся замирала отъ удовольствія;
глядѣла не наглядывалась на него, слушала не наслуши-
валась его пламенныхъ рѣчей; вся ослабѣвала и таяла въ
объятіяхъ его могучей любви. Она ждала его съ лихо-
раднымъ нетерпѣніемъ въ другой разъ, и убивалась,
клизнула, когда онъ къ ней не являлся.

Вотъ почему въ заговорахъ на любовь обращаются къ
огненному змѣю. Эротическое значеніе его перенесено
потомъ и на обыкновенныхъ змѣй. Они очень помогаютъ въ
любовныхъ дѣлахъ. Кто хочетъ приворотить къ себѣ дѣвушку,
долженъ продѣть ниткой змѣинныя глаза и приговаривать:
«змѣя, змѣя! какъ жалко тебѣ твоихъ глазъ, такъ чобы меня
жалѣла раба Божія» (имярекъ.) Потомъ этой же ниткой съ-
ниткой продѣть платье любимаго предмета. Успѣхъ несо-
мнѣнный. Огненный змѣй поставляется повѣрьями въ тѣс-
ную связь съ пѣтухомъ, котораго такъ щедро одѣлила
природа эротическими наклонностями. Болѣе трехъ лѣтъ
запрещаютъ держать пѣтуха, иначе онъ снесетъ яйцо,
изъ котораго родится огненный змѣй. Извѣстно, что пѣ-
тухъ былъ посвященъ свѣтлымъ божествамъ.

Въ преданіяхъ объ огненномъ змѣй нельзя не замѣтить
двойственности образовъ колебанія между животнымъ об-
разомъ змѣя и образомъ человѣка. Въ видѣ змѣя онъ
летаетъ по поднебесью; въ избѣ превращается въ добраго
молодца. Змѣй Тугаринъ описывается въ быліи, какъ
сильный, могучій богатырь; но онъ летаетъ по воздуху
и палитъ огнемъ своихъ враговъ. Это указываетъ на

переходное состояніе міза. Первоначальное представленіе молніи и метеоровъ было въ образѣ змѣя, какъ самое естественное; потомъ это представленіе стало принимать человѣческія формы, требовавшія болѣе усилій отъ младенчествующей фантазіи народа. Этотъ переходъ отъ одной формы къ другой, совершавшійся постепенно, и обусловилъ смѣшеніе образовъ животнаго съ человѣческимъ. Въ одной сказкѣ змѣй представляется даже человѣкомъ съ змѣиной головой.

Обоготворивъ свѣтила, громъ и молнію, разныя огненные явленія атмосферы, славяне обоготворяли и воздухъ или «духъ божій», какъ онъ называется на миѣическомъ языкѣ. Олицетвореніемъ этой стихіи явился *Стрибогъ*, идолъ котораго стоялъ на кievскомъ холмѣ на ряду съ идолами главныхъ божествъ. Стрибогъ былъ производителемъ бурь и вѣтровъ и имѣлъ, какъ и всѣ главные божества, двойственный характеръ. Онъ носилъ и благотворный дождь для оплодотворенія земли и морозы со снѣгами; его вѣяніе производило и благораствореніе воздуха и было причиною повѣтрій и смерти и т. д.

Трудно воспроизвести образъ этаго божества; этотъ образъ обрисовывается въ однихъ эпическихъ сравненіяхъ очень разнообразныхъ. Названіе его происходитъ отъ корня санскритскаго-*стри*, означающаго стремленіе, быстроту. Отъ этого же корня происходятъ, какъ мы видѣли *Strahl* и стрѣла. Языкъ сблизилъ между собою эти понятія вслѣдствіе одного общаго признака, заключающагося въ нихъ, представленія быстроты. Лучъ свѣта, блескъ молніи, стремленіе вѣтра олицетворилъ въ одномъ образѣ стрѣлы. Тоже представленіе быстроты сблизило вѣтеръ съ птицею. Вотъ матеріалы, изъ которыхъ составлялся первоначальный живописный образъ Стрибога, образъ птицы, преимущественно орла съ стрѣлами въ когтяхъ. Этотъ же образъ выражалъ понятіе о вѣтрѣ у скандинавовъ, кельтовъ и по всей почти Европѣ. Летая по поднебесью, этотъ миѣическій орелъ поднималъ мятелы, вих-

ри и бури, приносилъ грозныя тучи съ дождемъ съ океанъ-моря, разсыпалъ снѣгъ по землѣ, разносилъ и металл кремни и кремницы—орудіе громовержца Перуна, поднималъ волны на рѣкахъ и моряхъ. Эти образы доселѣ сохранились въ заговорахъ; наприм: «летѣлъ орелъ изъ за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю, и какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь» и проч.. По другому заговору:» посреди окіана моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами,... подымалась матель со снѣгами, налетали орлы черныя на широкъ долъ» Далѣе эти орлы представляются сторожами грозной тучи съ буйными вѣтрами. Другія птицы, извѣстныя своею быстротою и хищничествомъ своимъ напоминающія разрушительное стремленіе бурь и вѣтровъ,—коршунъ, ястребъ и пр., также были символическими образами этихъ обожаемыхъ воздушныхъ явленій. Отъ того, по общеславянскому повѣрью, хищныя птицы своимъ крикомъ вызываютъ бурю. Специальною представительницею вѣтровъ—стрибожихъ внуковъ какъ ихъ называетъ «Слово о полку Игоревѣ»,—была наконецъ мифическая Стратимъ, птица, всѣмъ птицамъ мати. Имя ея происходитъ отъ тогоже корня *стри*. Она сидитъ на островѣ Буянѣ, на скалѣ по край свѣта; когда она полетитъ по поднебесью, отъ ударовъ ея крыль раждаются вѣтры, поднимается на морѣ буря и топить корабли гостинныя.

Съ развитіемъ антропоморфизма вѣтеръ сталъ представляться въ человѣческомъ образѣ; но въ этомъ позднѣйшемъ образѣ удержана часть прежняго, именно представленіе о крыльяхъ. Въ видѣ крылатыхъ мальчиковъ вѣтры изображаются и доселѣ. Этотъ образъ мы видимъ въ поэтическомъ плачѣ Ярославны въ словѣ о Полку игоревѣ. «О вѣтре вѣтрило! причитала она, обращаясь къ вѣтру какъ господину, божеству. Чему, господине, вѣши? Чему мечеши ханевскія стрѣлы на свою трудную крыльцю

на мось Лады вои? Мало ли ти башеть горѣ подь облака вѣяти, лелеючи корабли на синѣ мори? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя? «Въ одномъ народномъ расказѣ вѣтеръ представляется въ знакомомъ образѣ русскаго мужика. Шель мужикъ, на встрѣчу ему трое другихъ мужиковъ: солнце, вѣтеръ и морозъ. Солнце сказало: «постой, мужикъ,; я тебя сожгу.» А вѣтеръ молвилъ: «а я тебя недопущу». Морозъ промолвилъ «постой, мужикъ я тебя заморожу». А вѣтеръ: «я тебя одую.» Въ сказкахъ говорится о четырехъ и семи братьяхъ-буйныхъ вѣтрахъ. Народныя пѣсни и заговоры представляютъ множество примѣровъ обращенія къ вѣтрамъ, какъ божественнымъ личностямъ, готовымъ помочь человеку, сочувствующимъ его горю и радости. Это остатки древнихъ молитвъ. Въ Астрахани рыбаки, садась въ лодку, предъ отправленіемъ въ море на ловъ, съ благоговѣніемъ снявъ шапку, произносятъ: «святый воздухъ! помоги намъ.» Сохранились и остатки жертвъ вѣтрамъ. 5 августа спрашиваютъ вихрь о зимѣ. Для этаго съ ножомъ въ одной рукѣ и съ пѣтухомъ въ другой выходятъ на перекрестокъ сторожить вихря. Едва онъ появится, какъ крестьянинъ, держа пѣтуха за голову, втыкаетъ ножъ въ самую средину вихря и допрашиваетъ его. Рассказываютъ, что вихрь тогда говоритъ всю правду. Для объясненія этаго обряда прибавимъ, что вѣтеръ по скандинавскимъ преданіямъ былъ отецъ зимѣ. Пѣтухъ прямо указываетъ на древнюю жертву Стрибогу и его внукамъ.

(Продолженіе будетъ.)

НАЧАЛО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСКОЛА

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ НИЖЕГОРОДСКИХЪ.

(Продолженіе.)

Не говоря уже о томъ, что недостатокъ священниковъ былъ причиною распространенія раскола, расколъ могъ удобно распространиться и дѣйствительно распространялся даже и тамъ, гдѣ было достаточное число священниковъ, потому что тогдашнее духовенство, въ слѣдствіе своей необразованности, крайней бѣдности и стѣснительнаго положенія въ обществѣ не могло успѣшно дѣйствовать противъ раскола. Такимъ образомъ, недостатокъ образованія, крайняя бѣдность и деморализація духовенства были также одною изъ причинъ распространенія раскола.

Съ начала XVI и до 2-й половины XVII столѣтія въ Россіи не было училищъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ; не было, слѣдовательно, и мѣстъ, гдѣ бы могли образоваться пастыри, способные противостоятъ расколу. По этому въ духовное званіе поступали люди, едва умѣвшіе читать и писать. Что же могли дѣлать люди, получившіе подобное воспитаніе? Да и образованіе то это получалось, большею частію, по старопечатнымъ книгамъ, потому что эти книги успѣли въ то время значительно распространиться. По этому понятно, почему священники не только не могли успѣшно противодѣйствовать расколу, но и сами иногда уклонялись въ расколъ. Изъ признанія діакона Александра (Керженскаго) видно, что онъ много сомнѣвался въ правильности книгъ, изданныхъ при патр. Никонѣ, всеми мѣрами старался добиться истины, плакалъ и молился и, когда ничего не могъ добратся собственнымъ умомъ, тогда уже совратился въ расколъ. Не болѣе его зналъ и священникъ той церкви, при которой служилъ діаконъ Александръ⁽⁷⁹⁾.

(79) Есип. Д. Д. XVIII в. ч. 1 стр. 634—635.

Недостатокъ просвѣщенія въ духовенствѣ, по сознанию современниковъ появленія раскола, и былъ причиною его произхожденія и появленія. Пансій Лигаридъ, митроп. Газскій, бывшій въ Москвѣ въ 1660 году пишетъ: «откуда бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастало на толику нашу общую пагубу? Нанослѣдокъ, умомъ обращая, обрѣтохъ изъ двою истекшее, си же есть: отъ лишенія и немѣннѣя народныхъ училищъ, такожде и отъ скудости и недостаточества святыхъ книгохранилищъ⁽⁸⁰⁾. И съ того времени, когда основаны были училища, т. е. съ конца XVII вѣка, духовное просвѣщеніе не могло назваться удовлетворительнымъ: оно ограничивалось латынью и схоластикой. Ученики семинарій ограничивались рѣшеніемъ на латинскомъ языкѣ вопросовъ: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они привести въ движеніе себя и другія тѣла? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? и проч. Лучшіе люди того времени сознавали всю несостоятельность подобнаго просвѣщенія. Такъ митр. Платонъ писалъ: «Разныя системы богословія, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ николюю и мудрованіемъ человѣческимъ; а богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ прерѣтельныхъ словесахъ, но въ явленіи духа и силы»⁽⁸¹⁾. Что могли сдѣлать противъ раскольниковъ люди, получившіе одно только схоластическое образованіе? Очевидно, — весьма мало или вовсе ничего. Что же сказать о тѣхъ, которые не получили никакого образованія и поступили въ духовное званіе? Недостатокъ или немѣннѣя училищъ были причиною того, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ставились въ попы люди изъ рабовъ и холопей, потому собственно, что не хотѣли быть въ холопахъ. «Умножися бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, ставятся въ попы и діаконы не священства ради, оштригаются не духовнаго ради спасенія, да не хотя въ рабѣхъ, и крестьяне въ

(80) Приб. къ тв. св. от. ч. III кн. 2 стр. 162.

(81) Жизнь митр. Платона Снегир. стр. 490.

крестьянствѣ бытъ» (82). Таковыя священники, которые ставились «не священства ради», разумѣется, не могли быть истинными пастырями для народа, и исправляли свои обязанности кое-какъ, или вовсе не исправляли. Посошковъ такъ говоритъ о священникахъ своего времени: «отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая бо часть уклонилась въ погибельный путь. А сія вся гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ лютеранъ или отъ латинянъ ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола, не знаютъ чѣмъ оправити себя и ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣють, или не смѣють или на пенязи склоняются, не брегуть о семь.... Аще бо попы, яко градскіе, тако и сельскіе, были разумительны, то ни коими дѣлы расколникомъ въ простомъ народѣ множитися бѣ было не возможно, и не мало возникнути было бѣ имъ не како» (83). Не имѣя возможности просвѣщать народъ, такіе священники небрегли о исполненіи первыхъ своихъ обязанностей, лишали народъ причастія тѣла и крови Христовой. Такъ крестьянинъ, Федоръ Алексѣевъ, жаловался великимъ государямъ, что «попы къ нимъ мірскимъ людямъ, къ болящимъ, для исповѣди и причащенія не приходятъ и не исповѣдываютъ и не причащаютъ, и многіе-де болящіе и родильницы безъ покаянія и причащенія помираютъ;... а какъ они мірскіе люди приходили ихъ поповъ звать къ родильницамъ молитвы давать, и они попы ихъ мірскихъ людей не слушали, и забывъ страхъ Божій пили и бражничали, и многіе родильницы умирали безъ покаянія» (84).

Если, съ одной стороны, недостатокъ образованія вредилъ дѣлу священническаго служенія, то съ другой сто-

(82) Доп. къ акт. ист. т. V стр. 490.

(83) Посошк. стр. 4—10.

(84) Акт. ист. т. V № 223, стр. 384.

роны недостатокъ матеріальныхъ средствъ и стѣсненное положеніе въ обществѣ не позволяли духовенству неуклонно исполнять свои обязанности. Духовенство XVII и XVIII столѣтій было крайне необезпечено. Въ матеріальныхъ средствахъ оно ни чѣмъ не отличалось отъ податныхъ сословій. Простые крестьяне едва были не обезпеченіе духовенства. Посошковъ говорить о священникахъ своего времени: «жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міра никакого подаванія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться — Богъ вѣсть: ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отиѣнны: мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ» (85). «Сельскіе пресвитеры люди самые простые: взростеть онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ. Нынѣ вси сельскіе попы, аще у коея церкви попа два - три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ... даже на святой недѣли больше одной обѣдни не бывало. А у коихъ церквей по одному попу, то чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другаго не отслужать: Понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть: гдѣ было идти на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ свины сушить; а гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить, а православные христіане умирають ничѣмъ же отиѣнно отъ скота» (86). Священники, на равни съ крестьянами, исполняли всѣ общественныя повинности, они должны были поставлять рекрутъ, чинить мосты, содержать постоя, что, при лежащихъ на нихъ обязанностяхъ, еще болѣе затрудняло ихъ въ снисканіи насущнаго продовольствія. Они разорялись еще при самомъ посвященіи ихъ въ духовный санъ. Подьячіе и другія свѣтскія лица, вмѣстѣ съ иподіаконами, брали съ нихъ, сверхъ надлежащаго, большія денежныя взятки. Такъ въ инструкціи синодальному члену Веніамину, епископу Коломенскому, говорится: «иподіаконы

(85) Посошк. о скуд. и богат. гл. 1. 11—12. 1800

(86) Посошк. стр. 25—28. 1800

и подьячіе и прочіе берутъ сверхъ надлежащаго съ ставленниковъ, не страшась ничего, не малыя денежныя взятки, а тѣ бѣдные люди, не имѣя о себѣ свободнаго голоса, отъ того претерпѣвають великое разореніе» (87). Въ церковной грамотѣ 1688 года «о сборѣ съ церквей данныхъ денегъ», говорится, что «старосты церковныя на поповъ и причетниковъ дань накладываютъ и вѣчныя гошлипы и всякіе окладные и не окладные доходы собираютъ съ прибавкою, не противъ того, какъ дань накладывается, и отъ того неравенства церковному чину и всякихъ чиновъ людямъ чинятся лишніе убытки и въ народѣхъ смущеніе и ропотъ» (88). Не только приказные люди и воеводы причиняли духовенству обиды и гритѣсенія, налагали на нихъ, по своему произволу, для своей корысти (89), многіе сборы, но простые крестьяне и мужики поступали съ нимъ, какъ имъ хотѣлось. Подъ 1686 годомъ въ царской грамотѣ говорится, что церковныя старосты и простые мужики, по мимо архіерейской воли церквами владѣютъ, не хотятъ покупать для церкви новоисправленныхъ книгъ, и заставляютъ священниковъ исправлять службу по старымъ кцигамъ, и отъ того расколы церковныя умножились. Принимаютъ пьяницъ и безчинныхъ священниковъ, а добрымъ священникамъ отказываютъ, «а священники бѣдные и причетники у нихъ церковныхъ старость вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего не смѣютъ» (90). Въ XVIII столѣтіи, во времена Остермана и Бирона положеніе духовенства было въ высшей степени бѣдственно. Остерманъ, по своему произволу, «не щадя духовныхъ персонъ, жестокия и неслыханныя мученія и экзекуціи надъ ними въ дѣйство приводилъ» (91). Въ это время священниковъ и монаховъ

(87) П. С. З. т. IX № 6718.

(88) Акт. ист. т. V стр. 303, № 172.

(89) А. А. Э. т. III стр. 159.

(90) Акт. ест. т. V № 122, стр. 200—201.

(91) П. С. З. т. XI, № 8506.

какъ мушекъ давили, священнослужителей наказывали жестокими побоями, плетью и кнутомъ (92); въ губерніяхъ губернаторы а въ провинціяхъ воеводы духовныхъ персонъ били, тиранили и увѣчили, или издѣвались надъ ними (93). Изъ Сенатскаго указа отъ 17 апрѣля 1769 г. узнаемъ, «что нѣкоторые помѣщики священно-и-церковнослужителей не только побоями, но и наказаніями на тѣлѣ оскорбляли, а обвѣженные сные отъ свѣтскихъ командъ по просьбамъ своимъ удовольствія не получали, а другіе по причинѣ своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицались» (94). Священнослужители, наравнѣ съ холопами, должны были исправлять полицейскія должности, ходить къ рогаткамъ на караулы и на пожары (95); должны были отправлять постой, дежурить на съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ для работъ и посылокъ (96). Не получая жалованья отъ правительства, священно-и-церковнослужители лишались и помѣщиками положенной правительствомъ пропорціи земли и претерпѣвали нищету, а между тѣмъ должны были нести повинности рекрутскія, госпитальныя, подможныя для полковыхъ поповъ (97). Соображая эти обстоятельства, крайнюю бѣдность духовенства, недостатокъ образованія и притѣсненія, какія оно терпѣло со всѣхъ сторонъ, можно себѣ представить, какая богатая жатва престояла тогда расколоучителямъ. И дѣйствительно, они пожинали плодъ сторицею!

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное нами состояніе духовенства было одною изъ причинъ распространенія раскола. Но въ самомъ ли духовенствѣ лежалъ корень зла? Не въ обстоятельствахъ ли времени, не въ самомъ ли тог-

[92] Тамъ же, № 12,303.

[93] П. С. З. т. XII № 9079.

[94] Тамъ же т. XVIII, № 13,286.

[95] Тамъ же т. XI, № 8,546.

[96] Тамъ же т. IX, № 6,957.

[97] Тамъ же т. XVIII № 12,925.

дашнемъ обществѣ лежала коренная причина зла? Не общество ли было виновно въ томъ, что духовенство его было такъ сильно деморализовано? Поэтому справедливо ли укорять духовенство, за то, что оно не могло противостоять распространившемуся расколу? Справедливо ли обвинять его въ неразвитости, недѣятельности, неумѣнны исправлять свои обязанности, какъ дѣлали и дѣлаютъ это нѣкоторые? Мы думаемъ, что всякій, кто обращаетъ вниманіе не на слѣдствія, а на причину какого либо явленія, не станетъ укорять духовенство въ подобныхъ недостаткахъ. И если, дѣйствительно, между духовенствомъ были личности, заслужившія порицаніе, то къ чести духовенства, нужно сказать и то, что среди него, и въ тѣ времена, были личности свѣтлыя и честныя, и мужественно переносившія свою незавидную долю, старавшіеся добросовѣстно исполнять свои обязанности. Но что они могли сдѣлать среди общаго зла? При неразвитости и невѣжествѣ тогдашняго общества, честные и энергичные дѣятели изъ духовныхъ не находили себѣ сочувствія въ самомъ обществѣ. Напротивъ, надъ ними смѣялись, оныхъ порицали. Такъ одинъ изъ проповѣдниковъ XVII столѣтія, рѣшившійся, среди общаго молчанія, говорить народу слово Божіе, признается, что ему всячески противо-дѣйствовали въ проповѣданіи слова Божія, смѣялись надъ нимъ и называли всякими обидными именами. «Всѣмъ я былъ, говоритъ онъ, въ камень преткновенія; всѣ другъ друга подговаривали не слушать ученія моего, думая, что я ввожу новости» (98). Что могли сдѣлать и лучшіе люди изъ духовныхъ, при такой настроенности тогдашняго общества? Много ли могли они успѣть среди всеобщаго невѣжества? Къ сожалѣнію, весьма и весьма не много.

Принимая во вниманіе тогдашнее состояніе самого общества и обстоятельства, среди которыхъ жило духовен-

(99) Замѣтки по поводу нѣкоторыхъ отрывковъ изъ «Статира»
Тр. К. Д. Ак. 1861 г. т. I стр. 419.

ство: недостатокъ образованія, крайнюю бѣдность и стѣсненное положеніе въ обществѣ, нельзя удивляться тому, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка расколъ распространился во всей почти Россіи. Противостоятъ расколу было не кому; духовенство, какъ мы видѣли, не имѣло средствъ для того, тогда какъ въ рукахъ раскольниковъ были всѣ средства для успѣшной пропаганды раскола. Раскольники обладали богатствомъ, имѣли многочисленное собраніе книгъ, имѣли у себя даровитыхъ и начитанныхъ расколуучителей. Всѣмъ извѣстно, что Выговская пустыня обладала большими богатствами; раскольники платили большія деньги для выкупа своихъ вождей, если они попадались въ руки правительства, старались всѣми мѣрами защищать другъ друга. Мы разсмотримъ здѣсь тѣ средства, какими обладали раскольники и какихъ не было въ рукахъ православнаго духовенства.

Большая часть расколуучителей и распространителей раскола—нельзя не отдать имъ справедливости—были люди способные и начитанные. Умомъ и, судя по тогдашнему времени, значительною степенью образованія обладали извѣстные предводители раскола, братья Андрей и Семень Денисовы. Андрей ѣздяше ово зъ братомъ Симеономъ а ово и съ иными по всѣмъ градомъ и въ Москвѣ по всѣмъ монастырямъ и въ Нижегородской пустыни промышляше книги и осматриваше, овые покупаше, а овые и списываше, испытуя како въ древлеотеческомъ благочестіи утверждатися и стояти. Также досматриваше по церквамъ и монастырямъ чудотворные образы, како благословящая рука у Спасителя, для подлиннаго свидѣтельства, великое усердіе и тщаніе показоваше день и ночь о томъ тшася, до Кіева доѣздяше.... и ѣздачи тамо и на Москвѣ грамматическому и риторическому разуму учашеся и зѣло извыче» (99). Поморскіе отвѣты, составленные, какъ извѣстно, Андреемъ Денисовымъ, показываютъ въ авторѣ

(99) Ист. Вып. пуст. стр. 139.

сильный умъ и большую начитанность. Семень Денисовъ не уступая брату Андрею въ природныхъ дарованіяхъ, странствовалъ съ нимъ по Россіи, и въ этихъ странствованіяхъ грамматику, риторикѣ, цѣитику и часть философіи довольно изучивши, не переставалъ заниматься книгами и въ самой обители (100). Андрей и Семень Денисовы, вмѣстѣ съ другими своими помощниками, основали въ своемъ скитѣ школу грамотности: «и начаша чины и уставы церковныя и монастырскія хранить: молодыхъ дѣтей обою полу учашу грамотѣ» (101). Андрей, вмѣстѣ съ Даниломъ Викулинымъ, говоритъ историкъ Выговской пустыни, «взяша Ивана Иванова въ монастырь для ученія къ пѣнію, и собравше лучшихъ грамотниковъ и самъ съними нача учитися пѣнію, и тщашеся о ученіи, чтобъ церковное пѣніе украшено было добрѣ, и овыя изъ нихъ научишася вскорѣ, а овыя долго учишася и начаша другъ друга учить, и многіе изъ нихъ научишася добрѣ» (102). Они учили церковному пѣнію не только мужчинъ, но и женщинъ: «и собра грамотницъ старыхъ и малыхъ, которые не учены пѣнію и нача ихъ самъ учить пѣнію, овыя изъ молодыхъ скоро навываху и научишася добрѣ, а овыя не малое время учишася» (103). Кромѣ школы чтенія и пѣнія они завели еще школу писцовъ, для переписки книгъ, и разсылали эти книги по всеѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ нихъ нуждались. Они обладали богатымъ собраніемъ старинныхъ иконъ, крестовъ и книгъ, какимъ, по замѣчанію Андрея Іоаннова, не можно индѣ быть, какъ въ знаменитыхъ мѣстахъ, изъ коихъ иныя сдѣланы царями, иныя иждивеніемъ знаменитыхъ благочестивыхъ бояръ» (104). Обладая такими богатыми средствами, имѣя у себя множество грамотныхъ людей, писцовъ и иконо-

(100) Ист. рас. пр. Мак. стр. 256.

(101) Ист. Выг. пуст. стр. 107.

(102) Тамъ же стр. 141.

(103) Тамъ же.

(104) Полл. пзвѣст. о разс.

писцовъ, Выговская пустыня снабжала ими тѣ мѣста, гдѣ чувствовался недостатокъ въ иконахъ, книгахъ и учителяхъ. «Нуждалась ли какая либо секта въ вождѣ, учителя и проповѣдникѣ раскола, или въ церковныхъ книгахъ, иконахъ, сосудахъ, или въ другомъ чемъ либо, къ ней съ радостію присылали ихъ прочіе толки. Въ Выговской пустыни школа искусныхъ писцовъ распространила раскольническія книги для пользованія всѣхъ сектъ и для распространенія раскола, школа пѣвцовъ снабжала ими раскольническія часовни и молитвенные дома; школа живописцовъ приготовляла иконы стариннаго изображенія и снабжала проповѣдниковъ, какого бы они толка ни были, разными раскольническими книгами, картинами для удобнѣйшаго прельщенія простаго народа» (105). Между тѣмъ православные священники лишены были всѣхъ этихъ средствъ. Мы видѣли, что еще Паисій Лигаридъ замѣтилъ скудость святаго книгохранилища въ православной церкви. Учебныхъ книгъ, кромѣ сборниковъ исполненныхъ нечестностей и всякихъ бредней, въ XVII и началѣ XVIII ст. у православнаго духовенства не было. Учиться и учить другихъ ему было не почему.

(Продолженіе будетъ.)

ВОЗЗВАНІЕ

Трипольскаго (1) митрополита Софронія съ его паствою къ сынамъ единовѣрной православной Россіи.

По всемилостивѣйшему соизволенію Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора, братской любви и благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода, мы получили давно желанное разрѣшеніе послать въ Россію одного изъ сослужителей нашей вѣры, для сбора доброхотныхъ пожертвованій. Съ этою цѣлію и съ общаго согласія, мы отправили протоіерея нашего кафедральнаго собора, Іакова Сури. Надѣемся, что и всѣ Русскіе, вслѣдъ за своимъ Монархомъ и богоизбранными отцами Синода, отвѣтятъ не холодностію на наши мольбы и просьбы, а братскииъ соучастіемъ въ нашихъ нуждахъ.

Подлинно, только настоятельныя нужды нашего города могли вызвать насъ на подспунную рѣшимость; желаніе спасти жизнь, во время пронесшейся надъ Востокомъ кровавой грозы Турокъ и Друзовъ, стоило намъ нашихъ имуществъ и собственности: мы вынуждены были пожертвовать всѣми нашими имѣніями, чтобы этимъ средствомъ сохранить подвергшіяся разоренію, но не павшія убѣжища въ нашемъ городѣ. Мы остаемся совершенно безъ средствъ и не можемъ продолжать постройки заложеннаго у насъ храма. Кому неизвѣстно, какъ глубоко страдаетъ бѣднякъ, когда у него нѣтъ куска хлѣба, чтобы утолить мучительный голодъ? Кто опятъ не согласится, что не менѣе, если еще не болѣе, страдаютъ народъ и городъ, когда они лишены средствъ питаться отъ трапезы божественныхъ истинъ? Тотъ и другой голодъ равно вынуждаетъ страждущихъ взывать и вопіять о помощи къ тѣмъ, на которыхъ есть хоть малая надежда.

(1) Городъ Триполи лежитъ при Средиземномъ морѣ, между Лаодикіею и Вейрутомъ.

Вамъ однимъ, сыны православной и богохранимой Рос-
 сии, съ нашимъ просительнымъ гласомъ, однимъ вамъ,
 какъ способнымъ понимать, повѣдаемъ наши религіозныя
 нужды и духовныя скорби; у однихъ васъ, именемъ Иисуса
 Христа, Подвигоположника общей Вѣры нашей, просимъ
 помощи нашему убожеству и нищетѣ. А онѣ велики и
 ужасны! Отвратить ихъ заставляютъ насъ наше правствен-
 ное свокоиствіе, наша духовная пѣлость. Пропаганда ино-
 вѣрія, съ каждымъ днемъ, глубже и глубже пускаетъ
 свои корни въ православномъ городѣ и народѣ нашемъ;
 ученые и искусные въ словѣ проповѣдники ея, какъ нѣ-
 когда морскія сирены, лакаютъ слухъ простодушныхъ и
 увлекаютъ сердца неопытныхъ, — какъ волки, опустошаютъ
 и сокращаютъ число нашего православнаго общества.
 Больно и тяжело становится предстоятелю Церкви, пасты-
 рю душъ христіанскихъ, когда онъ смотритъ на то, какъ
 члены его паствы, прежде изъ одной чаши завѣта вку-
 шавшіе Тѣла и Крови Христовой, — теперь, удалась об-
 щенія съ нимъ, идутъ въ иное стадо, къ инымъ пастырямъ.
 Не менѣе, разумѣется, грустно и горько и роднымъ,
 отцу съ матерью, переносить такіе случаи, когда ихъ дѣти
 какъ бы забывъ естественный съ ними союзъ плоти и
 крови, отрекаются отъ тѣхъ внушеній св. вѣры, въ кото-
 рыхъ съ дѣтства воспитали ихъ родители ихъ и которымъ
 сами они обязались быть вѣрными до гроба и смерти.
 Юное сердце дитяти, мягкое какъ воскъ, скорѣе и легче
 пропитывается заразою иновѣрія и иномыслія: понятно,
 какъ велики должны быть эти потери для нашего право-
 славнаго общества. Описывать и оплакивать ихъ можно
 только словами видѣннаго пророкомъ свитка, *въ немъже*
вписано *блже рыданіе и жалость и горе* (Иезек. 11,
 10). Врожденное челоуку чувство любознательности и
 развитіа, пробивающееся у дѣтей, особенно помогаетъ
 здѣсь инославной пропагандѣ: иновѣрныя школы и училища,
 разбросанныя по всему Востоку — вотъ главная сила успѣш-
 наго разлива у насъ иновѣрія, которое взялось въ конецъ
 затопить наше православіе. При всемъ желаніи борьбы,
 у насъ нѣтъ силъ противостоять этому; мы богаты только

простотою. Но сберечь и воспитывать и это достоинство, до мѣры исполненія Христова, — для насъ дѣло трудное и почти невозможное. Одинъ мѣстный кафедральный храмъ нашъ, который за неизмѣнимъ училищъ, долженъ служить единственною школою вѣры и благочестія для всѣхъ — малыхъ и возрастныхъ, такъ малъ въ своемъ объемѣ и тѣснѣ, что биткомъ наполнить его можно нѣсколькими десятками человекъ. А у насъ не сотни, а тысячи вѣрующихъ. Значитъ, большая часть нашей паствы, вслѣдствіе этого, или вовсе должна оставаться дома въ самые великіе и приснопамятные дни христіанскихъ празднествъ, или идти въ церковь за тѣмъ, чтобы въ нестройной массѣ толпиться около храма, стараясь услышать иногда и понять вылетающіе изъ него звуки. Нечего и говорить, съ какими явленіями соединяется искреннее желаніе приходскихъ помолиться, сложить свои мірскія скорби у подножія Христова престола и быть участниками общественнаго богослуженія....

Сидѣя въ безутѣшную скорбію о такомъ жалкомъ состояніи нашего города по отношенію къ главному въ жизни — къ вѣрѣ, мы прибѣгаемъ къ испытанному великодушію и помощи Русскихъ, братій намъ по вѣрѣ, какъ послѣдней нашей надеждѣ. Вѣримъ и надѣемся, что они войдутъ въ наше поистинѣ горькое положеніе, вполне раздѣлять съ нами его тяготу. И скудныя лепты подаліи послужатъ къ великому духовному обогащенію страны и города, освященныхъ нѣкогда божественными стопами Самого Основателя и Совершителя нашей вѣры (2). Если же мы — люди немощи — нашими молитвами, то Онъ Своєю благодатію воздастъ дань благодаренія, какъ Самъ сказалъ: *попозже сотвористе единому браіи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. XXV, 40). Имена жертвователей будутъ написаны на стѣнахъ храма и училищъ,

(2) Мѣстное народное преданіе считаетъ Триполи въ числѣ десяти городовъ, которыми проходилъ нашъ Божественный Спаситель съя слово истины и Евангелія.

на сооруженіе и устройство которыхъ мы обратимъ со-
бранныя подаванія. Громче и внятнѣе, чѣмъ похвалы на-
шихъ устъ, они будутъ говорить нашему отдаленному
потомству, о безмѣрной щедрости и состраданіи русскаго
народа къ чужимъ по крови и по плоти, но роднымъ по
существу вѣры, жителямъ Триполи. Предполагаемый и
уже заложенный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Бого-
родицы и св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и
предполагаемыя школы дадутъ русскимъ жертвователямъ
полное право называться полными споспѣшниками нашего
духовнаго обновленія и силы, а намъ и нашимъ потомкамъ
будутъ вдыхать чувства сердечной благодарности и живой
памяти о нихъ. Узы единой вѣры скрѣплятся видимыми
узами взаимной признательности и благожеланія.

Протоіерей Трипольскаго кафедральнаго собора Іаковъ
Сури, пріѣхавшій для сбора, мѣсто жительства имѣетъ въ
Александроневской Лаврѣ, въ зданіи за соборомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: О святыхъ икогахъ, преимущественно чтимыхъ въ ниже-
городской епархіи (продолж.) — Очерки изъ исторіи Славянской міеологіи —
Начало и распространеніе раскола въ предѣлахъ Нижегородскихъ (про-
долж.) — Воззваніе Трипольскаго митроп. Софронія къ сынамъ единовѣрной
православной Россіи.

Дозволено цензурой 6-го сентября 1865 года.

Редакторы: Инсп. сем. Прот. *А. Стекловъ* и
Проф. *Г. Полсадовъ*.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.